

Л.А. Чиндина, С.М. Малиновская

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕЛЬКУПСКОЙ АНТРОПОНИМИКЕ XVII в. В НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ (ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015.
«Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»).*

Рассмотрены антропонимы селькупов Нарымского Приобья XVII в. На широком междисциплинарном уровне прослежено отражение в именах важных социально-экономических, этнических и мировоззренческих особенностей. Создан и проанализирован селькупский именной. Выявлена чрезвычайная устойчивость корневых морфем лексики, сохранившей родовую идентичность носителя имени. Данные раскопок поселений и могильников региона уточнили хронологию, динамику развития антропонимов, дополнили и внесли серьезные коррективы в историко-культурные реконструкции селькупского прошлого.

Ключевые слова: нарымские селькупы; антропонимика; археология; этническая культура.

Этнические исследования антропонимики нарымских селькупов XVII в. недостаточны, в данном направлении работали лингвист Э.Г. Беккер [1], этнологи С.М. Малиновская [2] и И.Н. Гемуев [3]. В этой связи междисциплинарный подход будет более перспективным и результативным. Введение в научный оборот имен XVII в. дает в руки исследователей ценнейший материал по лексике языка южной (нарымской) группы селькупов, хорошо сохранившийся в антропонимах, позволяет делать выводы этимологического характера, наблюдать словообразовательные процессы, представления, адаптивные и интегративные процессы, устанавливать исторические контакты, получать представление об этнической культуре, мировоззрении, этнических ценностях.

Ещё реже (как правило, при решении вопросов этнонимии и мировоззренческих интерпретаций) к помощи антропонимики обращаются западносибирские археологи: обычно это имена богов и духов народов Западной Сибири. В селькупской традиционной картине мира верховный персонаж – Нум (Ном) – небо. Здесь же в Верхнем мире обитает священная мать-первопредок «жизненная старуха», дающая жизнь всему земному, – Илынтыль kota. С Нижним миром связан её антипод – Ылынта kota – «нижняя женщина (старуха)». Она помогает при родах, охраняет души умерших в ином мире до их возрождения. К именам персонажей Среднего мира археологи обращаются эпизодически. Обычно это эпические богатыри, среди которых первенствует Ича (Итте). Идентификация с историческими личностями удается редко. Можно назвать интересные разработки в этом направлении В.И. Семёновой о Тонь-богатыре (селькуп?) [4. С. 68–72], а также С.Г. Пархимовича [5. С. 311–316] и одного из авторов [6], включившихся в трёхвековую дискуссию об этнонимике названия «Пегая орда» – военно-политического объединения селькупов (конец XVI в.) под предводительством князца Вони, не желавшего принимать русское подданство.

Основой исследования по антропонимике послужили документы Сибирского приказа, прежде всего ясачных книг Нарымского и Кетского острогов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) [7. Кн. 19, 22, 144, 716, 743, 1367; 8. Кн. 11, 30], дополненные полевыми экспедиционными материалами и сведениями, заимствованными в историко-этнографической и ономастической литературе. Сравнение имен, записанных в ясачных книгах, позволяет выявить основной фонд селькупского именника в целом, в том числе по уездам и волостям. Это самый древний источник по селькупской антропонимике. Проследить динамику развития от личного имени до наименования родов, фамилий и топонимов (водоемов, местечек, поселений, волостей) помогают более поздние материалы церковных архивов XVIII–XIX вв., хранящиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО) [9. Ф. 170; 10. Ф. 170; 11. Ф. 267].

В основу археологических исследований положены материалы Мысовского (XIII–XVII вв.) и Мигалка (последняя треть XVII – начало XVIII в.) могильников и поселений, расположенных в бывшей Третьей Парабельской инородческой волости на левобережье Нарымского Приобья (раскопки Л.А. Чиндиной 1989–1992 гг.) [12]. В них сосредоточена информация письменных источников прежде всего по идентификации названий археологизированных поселений с бывшими инородческими деревнями, их связи с именами князьков, рядовых плательщиков ясака, отражающих в целом особенности культурного развития в конкретное время [13, 14].

Из всех составных частей антропонимики наиболее универсальным является имя (nim- во всех самодийских языках), выполняющее на разных хронологических срезах социальной истории людей многообразные функции, изменяющееся и совершенствующееся по мере изменения требований общества к своему именнику. Человека, как и многие предметы и явления окружающего мира, могли именовать, наречь, назвать, прозвать и т.д., а отсюда и богатая синонимическая вариантность терминов при определении собственно-

личного имени. Изучение антропонимических процессов, протекающих у народностей Севера на протяжении последних двух столетий, приводит лингвистов-ономастов к выводу о том, что ведущую роль в формировании антропонимикона этих народов на всех этапах их исторического развития выполняло имя-прозвище. «...у одних оно служило для различения индивидов, родовым названием, у других – для различения индивидов определенной территориальной группы. Об этом свидетельствует большая устойчивость имен-прозвищ по сравнению с родовыми названиями, большая их живучесть» [15].

В.А. Никонов уже указывал, что мотивы выбора имени этнографами изучены недостаточно [16. С. 41]. Это утверждение в полной мере относится и к народностям самодийской группы. Специальной литературы, посвященной исследованию традиций выбора имени у самодийских народов, за исключением статьи Б.О. Долгих об энцах [17], не существует. Отдельные сведения на эту тему включены в работы общего характера и не отличаются полнотой. Обряды селькупов, связанные с рождением ребенка, описаны И.Н. Гемуевым [3. С. 125–138]. По его сведениям, принимала роды пайя-эввели – «бабушка-мать». Для перерезания пуповины-шенилакка (сельк.) использовалась особая ритуальная стрела.

Обряд отрезания пуповины и наличие категории специалистов, обслуживающих детородный процесс, впервые подтвердились археологическими данными при раскопках Мысовского могильника. В могиле XIV–XV вв. была захоронена женщина по крайне нестандартному для могильника обряду. Она явно занимала особое положение в обществе. Умершей отчленили голову, тело полностью сожгли на стороне, затем останки ссыпали в могилу, туда же положили голову лицом вниз в северо-восточно-восточном торце могилы, ритуальный сосуд поставили в юго-западный торец. Чуть позднее в могилу опустили мешок с вещами: несохранившейся одеждой, височным кольцом и крупным железным ромбовидным обоюдоострым наконечником стрелы-клинки – главным инструментом акушерки-ведуньи. Стрела в мифологии (кроме разнообразия других ритуальных назначений) даёт жизненную силу, оберегает от зла, она – важный покровитель ребенка от рождения до взросления. Ритуальный сосуд относится к сосудам-«ладьям» с «ушками», в которых, по селькупской мифологии, перевозили души умерших через подземный мир, позже перевоплощающиеся в новой жизни. Подробное описание обряда дано в этнографии Е.Д. Прокофьевой [18. С. 59–60] и Г.И. Пелих [19. С. 96], в археологии при характеристике рёлкинской культуры – предшественницы и основы селькупского этноса [20. С. 97–98; 21. С. 33]. Очевидно, что столь радикальные обрядовые действия были связаны с очищением души женщины-ведуньи – особы, принадлежащей к сакральной сфере бытия семьи, рода – деторождению. Повивальные бабки пользовались большим

уважением, селькупы связывали их с подземной мифологической старухой (Ылынтай котой – нижней женщиной), покровительницей родового процесса.

Отторжение пуповины и появление зубов означало присутствие у ребенка жизненной силы – «сант» (сельк.) и, следовательно, приобщение его к миру людей; «беззубые» младенцы причислялись к категории существ, не обладавших человеческими качествами. С появлением зубов ребенка переносили в новую колыбель – «конт» (сельк.). Помимо колыбели изготовлялась деревянная «кукла» – индивидуальный покровитель. «Кукла» сохранялась на протяжении жизни человека в специальном амбарчике, где находились покровители всех членов семьи. До появления зубов мальчика звали кыбля-ня, «маленький мальчик», а девочек – кыбля-нетек, «маленькая девочка». Имя младенцу давала повивальная бабка; если же ее не было, имя давал отец. Фактически единственные свидетельства такого рода записаны от старейшей жительницы п. Тюхтерево Парабельского района К.Е. Гоголевой и от Д.Н. Найковой из п. Каргасок Нарымского края, которые также подтвердили, что имя ребенку давали старшие члены рода по согласованию с родителями (Полевая запись С.М. Малиновской, 1987 г.).

Аналогия системе наречения детских имен наблюдается у других самодийских и угорских этносов [3. С. 128, 135; 22. С. 41–44; и др.] В.Ф. Зуев, побывавший в низовьях Оби в 70-х г. XVIII в., писал: «Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до шестнадцати лет называется, а по прошествии этих пятнадцати лет родители дают ему уже настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего родственника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию и прочее...» [23. С. 65]. В этом коротком описании фактически заключен весь этимологический фонд мотивированных ненецких имен. Далее тот же автор приводит некоторые из этих имен, в том числе: Laatscha – Кочка земляная, Wana – Корень у дерева, Lambal – Широкая лыжа, Sjautta – Нельма, Poju – Ольха, Ubasi – Безрукой, Halei – Безногой, Wairti – Бешеной и др. [2. С. 65, 66]. Все эти материалы относятся к мужчинам, что же касается женщин, то, по утверждению В.Ф. Зуева, «женский пол... имен по век свой не имеет» [23. С. 66]. Их не было и у селькупов.

Современные исследователи также говорят о наличии у ненцев и нганасан двух фондов личных имен: имен-прозвищ (мотивированное имя) и генетических (предковых), по-видимому, очень древних имен (немотивированное настоящее или «священное» имя) [17. С. 38–39, 42; 23. С. 117; 24. С. 116–117].

Забота селькупов о детях заметна по погребениям XVII в. В детских захоронениях находят кольца-подвески с колокольчиками или другими звенящими подвесками. Это обереги для отпугивания злых духов,

широко известные у многих евразийских народов, в том числе и самодийских. Помимо амулетов в детских захоронениях находили одежду из дорогих тканей, обилие украшений из металла, бусы, бисер, медную и деревянную посуду (могильник Мигалка). По деталям одежды и сопроводительным вещам было установлено, что в денежном эквиваленте цена похорон доходила до 3 руб., что в конце XVII в. было весьма затратно. Интерес представляют детские захоронения, снабженные свадебными атрибутами. По-видимому, так называемые колыбельные браки по сговору родителей заключались сразу после рождения. По какой-то причине дети умерли одновременно, поэтому их захоронили со свадебными атрибутами вместе как жениха и невесту.

Приведенные факты говорят о том, что для селькупов ребёнок являлся особой ценностью общества как его продолжение и будущее.

У селькупов отмечено табуирование имен, т.е. запрет на произношение настоящего имени, что характерно для многих других народов севера Сибири. Селькупы к родным отцу и матери обращались не по имени, а со словами, соответствующими русским терминам «отец и мать», в этом случае родственник термин полностью заменял имя, жена также не должна была называть мужа и родителей мужа по имени, соответственно и муж обращался к ее родителям, применяя лишь термин свойства: пал'дам (пал'дай па ам) – мать моей жены; ил'д'ам – отец моего мужа; па'ам – моя жена; наа'ум – моя жена; тибид'ум, прам – мой муж. В результате некоторые термины родства перешли в разряд антропонимов: Емак < емеку «мачеха»; Ирулка < Ира «мужчина, муж, старик» + суфф. прил. – л + ко; Емра < еми «мать» + усеченное от Ира + ра «старик»; Есегельчик < есегу «отчим» + суфф. прил. – л + суфф. – чик / чика, указывает на ослабление выраженного признака; Селякур < шели «свояк» + кур / кор «самец, жеребец». В большинстве селькупских семей и поныне продолжают древние традиции употребления терминов родства вместо личного имени во внутрисемейном обращении, но не на государственном уровне.

Что же представляет фонд немотивированных или ненастоящих имен селькупов? Как говорилось выше, настоящее имя человека считалось также и священным. Вероятнее всего, это было связано с тем, что некогда оно принадлежало предку и являлось наследственным в данной семье, патронимии или роде. Анализ немотивированного именника селькупов свидетельствует о его многокомпонентности. С одной стороны, в нем вскрываются очень древние пласты, восходящие к эпохе уральского или даже урало-алтайского единства. С другой стороны, явно прослеживаются заимствования, объясняемые этническими контактами с русскими, татарами, кетами, обскими уграми, тунгусами. Эвенкийское влияние проявляется в аффиксальных образованиях личных имен. В Третьей Парабельской волости в 1660–1677 гг. у власти был Итек Меринов. Вторая

часть его имени была не селькупской, а монгольской, попавшей сюда через тюрков.

У селькупов, как известно, устанавливаются только следы былого родового деления [25]. Большинство селькупских фамилий XIX в. не привязано к конкретным родам, так что материалами, позволяющими говорить о существовании родового фонда имен применительно к селькупам, мы не располагаем и поэтому лишены возможности рассмотреть немотивированный (и мотивированный) фонд селькупских имен в аспекте их родовой принадлежности. Некоторую ясность вносят исследования динамики и хронологии общественного развития на основе комплексного изучения археолого-этнографических источников.

При анализе селькупского именника в разрезе отдельных волостей бросается в глаза их неповторимость. Так, из 139 имен ясачных остяков Кетского острога из книги 1628 г., охватывавшей пять волостей, по два раза повторяются только имена Сяга, Сокотко, Уявула, Нагайко. В Нижней Нарымской волости Нарымского острога из 40 собственных имен не повторяется ни одно. Корни этого феномена восходят, как мы думаем, к мировоззренческим представлениям нарымских селькупов. Напрашивается также предположение, что при организации ясачных волостей в начале XVII в. русская администрация положила в их основу реальные границы родовых территорий, в то время еще весьма определенные и строго соблюдавшиеся.

Характерной особенностью селькупской антропонимической системы является большое число формантов, которые давали возможность от одного имени или корня образовывать различные имена с одной и той же семантикой. Например: Ранепса (Ранепсут) > «бречалка», Урунк (Урунгузей), Лоза (Лозамко) > «черт», Воня (Вонимко) Инча (Инчимей), Сочелка (Сочелкум) > сати / сачи «куделя, Мыдя (Мыдакум), Кинобай (Киноыл, Кынкуп, Кинопса) > «кин река», Кана (Канкуп Канфивандей) > кан «трубка», ванд «лицо», куп «человек».

Нарымские и кетские селькупы являются носителями различных диалектов и принадлежат к различным этнотерриториальным группам. Антропонимический материал рассматривается нами по каждому из уездов в отдельности. Поражает чрезвычайная устойчивость корневых морфем лексики, сохранившей родовую идентичность носителей имени, закрепление личностных особенностей человека в мотивированных именах, следует обратить внимание на то, что архаическое мировоззрение наделяло имя собственное сакральными свойствами, определяло место человека в системе мировой и социальной координации, удерживало человека в связях реального мира, определяло пути его перехода в космическое пространство, которое в мифологии селькупов отражено в трёх мирах: небесном, земном и подземном.

Этимологический анализ антропонимов по признаку тематической атрибуции корня-этимона позволил выделить группы имён:

I. Имена, образованные от названий пород рыб: Муга, Мунга, Мугуча < муга / мунга «пескарь»; Лауся < ла «язь» + у + суфф. – ся, букв.: «язевый»; Кижак < кижа «костерка».

II. Имена, включающие названия птиц и животных: Кулукку < куле «ворон»; Кошлок < «молодой бобр»; Путя < пути «бобр»; Лога < лога «лиса»; Корга < корга «медведь»; Етча < етча «коршун»; Шига < ши / си «соболь» + суфф. «га» соболёк.

III. Имена, имеющие отношение к растительному миру: Кутма < кут «ель» + ма «место»; Чора < букв. «заросль»; Чеуда < чеу «черёмуховая ягода».

IV. Имена, восходящие к материальной культуре: Пува < пува «нож»; Пима < пимы «штаны»; Сатча < сатча «куделя»; Полча < по «дрова»; Кина < кын'н'нан «меховая шуба»; Инча < инти «лук»; Толча < толча букв. «лыжи».

V. Имена, образованные от наименования частей тела: Кой > ко «ухо»; Ута < ут «рука»; Минелака букв. «пуп»; Магазя / Магадай > мага «спина»; Топка < топ «нога»; Але < олале «голова».

VI. Имена, в основу которых положены психофизические признаки: Чумбол < чумпи «длинный» + ол «голова»; Чюнбакаба < чумпи «длинный» + каба «туловище»; Варгосай < варго «большой» + сай «глаз»; Тазак > ташуг «азнайка»; Писенса, букв. «смешливец».

VII. Имена, запечатлевшие место рождения: Етсья < ет «деревня»; Тося < то «озеро»; Нюргум < нур «заливной луг» + гум «человек».

VIII. Имена, несущие социальную нагрузку: Лякка, букв. «воин, друг»; Куимко < кой «богатый»; Есак < Тюрк. ясак «дань»; Кокса букв. «князь, богач».

XIX. Имена со значением количества или последовательности: Оккия < оки / оки «один»; Тетоба < тет / тета «четыре»; Айкум < ай «опять, ещё» + кум «человек»; Чипся < чипи «задний, последний».

X. Имена, выражающие чувства родителей: Тяпта букв. «сказка»; Иссек < исса «зря, напрасно» + к / ку; Торья букв. «беда».

XI. Имена-обереги: Лера < лэр «испуг»; Чура букв. «гнида»; Суска букв. «свинья»; Паргатка букв. «идол»; Лозя букв. «чёрт, дьявол».

Исследователи антропонимов уже давно отмечали факт употребления родовых наименований в качестве личных имен и такой обычай считали очень древним. У селькупов этнонимы в качестве личных имен зафиксированы в исторических документах XVII в. Однако в роли антропонимов выступают только те названия селькупских подразделений, которые имеют отношение к этногенезу: родовые наименования Памгула > памгула, Чугла > чугула, Бохта / Пахта. В качестве антропонимов, записанных в ясачных книгах, фиксируются этнонимы из тюркских языков: этнонимы алтай-

цев (Алтай, Алтак, Алатайка, Телеш (род у телеутов), Кижак > Кизи, Нагайка, Тюметка, Тярсяку, Колмак / Колмачка, Мунгол > мунгол); хантыйский (Кондук); вогульский (Вогулка); кетские (Кольгет, Кынгет, Семгет, Ишнагелт); мордовские родовые наименования (Самарко, Киле, Бурнаш); Калык – родовое название ненцев и энцев; Мандрачка > манду род у энцев; древнейший этноним Кореля.

Для селькупского антропонимикона характерно абсолютное совпадение значительной части собственных личных имен с теми нарицательными словами, от которых они образованы: Сюмба < сюмба «обух»; Нынсигда < нипсикита «лишенный материнской груди»; Кауля < кауа «линь»; Чук < чук «червь»; Чора < чора «заросль, чаща»; Курба < курба «бугор»; Тяпта < тяпта «сказка»; Тега < тега «гусь белый».

Синтаксический способ словообразования в селькупском языке представлен формантами: -кота («мешок, подушка»), -лако («кусок, штука»), -сай («глаз»), -ира («старик»), -ол («голова»), -кум (куп, кул / гул) («человек»), -кор, -кур («самец, бык»): Чумбол < чумпи «длинный» + ол «голова, букв.: «длинноголовый»; Кегерсай < кегер «вертится» + сай, букв.: «косой»; Кибайра < кибя «маленький» + ира «старик», букв.: «маленький»; Тутлако < тут «карась» + лако «кусок», букв.: «кусок карася»; Селякур < сел «своjak» + кур «самец» (кор), букв.: «своjak»; Немкота < ням «мягкий» + кота «подушка», букв.: «мягкая подушка»; Канкуп < канн «трубка». Ильяча добавлялось к имени человека почтенного возраста, что находит отражение в религии: имя бога Нума произносят как Нум Ильдча (Ильджа).

Остановимся более подробно на словообразовательной роли двух формантов. –кор (со значением «самец», «жеребец», «бык») присутствует не только в собственных именах, но и в нарицательных. Имена с элементами -кор встречаются только в самых ранних ясачных книгах. В то же время обращает на себя внимание алтайское кашкор «дикий баран», кортух «боязливый». Ср.: записи лексики из материалов В.Н. Татищева: коркуска «петух», корканак «кобель», корсоска «боров», коркой «баран» и антропонимы кетских и нарымских селькупов: Коропся, Корсанко, Кормеско, Корга [26].

–Кор можно добавить к любому существительному, обозначающему объект животного мира, включая насекомых и рыб (по полевым материалам А.П. Дульзона), чтобы обозначить представителя мужского пола. По мнению Пелих, слово «кор» содержит понятие родства по мужской линии «корог – дедова порода, семья». Важно отметить, что в представлении селькупов «кор ~ хор ~ хур» – не абстрактное понятие «мужского начала», а одна из человеческих душ. Это представление широко распространено у самодийцев. Мужчины имели душу «кор», потеряв ее, они превращаются в неполноценных существ (женщин). Их также зовут «момбель» – «дураки» [27. С. 30–33].

Указанный формант присутствует как в именах собственных, так и в нарицательных; его самостоятельное лексическое значение затемнено, так как он приближается к полусуффиксам.

Формант -кум (куп, кул / гул) «человек» зачастую выступает как маркер антропонимов: Айкум < ай «опять», «еще», «тоже» + кум, букв.: «еще человек»; Леркум < лэр «испуг» + кум, букв.: «человек-испуг»; Мишкакумка < Мишка + кум + ка; Сеткул < сет «два» + кул, букв.: «близнец».

В сложных существительных формант -кум частично утратил свое основное лексическое значение, приблизился к полусуффиксам и в итоге приобрел функции обобщающего выражения действующего лица: 1) по действию, по поступку; 2) по роду деятельности, по профессии; 3) по преобладающему признаку, например: етыдей кум «посетитель», кы пок кум «богач»; су: рул'д'и кум «охотник» [28. С. 85]. Самоназвание зырян и пермяков «коми» встречается у других финно-угорских народов: удм. кум – «человек»; самод. кум, куп, коп – «человек». Ср.: уйг. кун – «народ»; монг. юн, ун, умун – «человек». Древнейший формант «кум» присутствует в этнонимике финно-угорских народов: сара кум – «народ племени сара», удм. «зыряне»; коми – «народ»; сельк. сюсюкум – «лесной народ», лонкуп – «гусиный народ», каралькуп – «журавлиный народ», тамелькуп – «южный народ».

Носителем основного значения в подобных существительных служит первое слово. Словообразовательные элементы были материально общими для различных этнических групп селькупов.

Этимологический анализ мотивированных личных имен нарымских селькупов, извлеченных из архивных документов XVII в., в целом приводит нас к выводам, совпадающим с мнением специалистов, работавших с именником других сибирских народов [24; 29–31]. Прежде всего подтверждается точка зрения о том, что наибольшую именную нагрузку несут нарицательные термины, связанные с основными элементами селькупской экосистемы: человек и природа (флора и фауна), человек и система его жизнеобеспечения, духовный мир человека, человек и социальная среда, психофизическая деятельность человека и т.д.

Осознавая известную ограниченность использованного круга источников по селькупскому антропонимикону, авторы тем не менее считают возможным утверждать, что среди апеллятивов, положенных в основу собственных мужских имен XVII в., преобладают названия рыб, животных, птиц, растений и других представителей флоры и фауны. Это, бесспорно, весьма древний, если не самый архаичный, пласт селькупской антропонимики. Любопытно, что на территории нижней Шудельки (бассейнообразующая река Парабельской волости) найдены каменная плоская скульптура рыбы и изображение птицы на керамике, относящейся к эпохе неолита. Как известно, исследо-

ватели связывают подобные артефакты с сакрально-тотемической семантикой [32, 33].

Столь же архаичными являются имена-обереги. Их бытование объяснялось желанием избежать воздействия злых духов, что могло быть связано как со смертью предыдущих детей, так и с боязнью потерять первого ребенка.

Среди тотемических животных-прародителей, почитавшихся селькупами, особое место принадлежало медведю [25]. Антропонимы, восходящие к слову «медведь», селькуп. «корга», например имя ясачного Корга, фамилия Коргалины, п. Каргасок. Несомненно, эти материалы связаны с тотемическими представлениями либо их реликтами. В ясачных книгах фиксируются антропонимы Пега, Пегая, Пектур – лось. У современных селькупов и русских в Нарымском Приобье, особенно на левобережье, распространена фамилия Пеговы, Певговы, Пегучены, Пегачены. Фамильные онимы и топонимика дают более широкий ареал названий с морфемой-именем «Лось»: Сургутское и Томское Приобье, Туруханский край. Лось у селькупов считался родоначальником некоторых родов, отсюда запрет на употребление лосиного мяса. Первородство сформировалось ещё в древности [34].

В эпоху раннего железного века (кулайская культура) старые родовые принципы меняются, а в рёлкинское время (раннее средневековье) уже утвердились патронимические отношения с их предковым родством, о чем свидетельствуют археологические источники и исследования [20. С. 104–116]. Статус лося также менялся: наглядно фиксируется превращение родового образа в космогонический (сидерический). Теперь, судя по мифологии, преданиям, культовому лирию (образ лося – всадника – героя), Лосю покровительствует Ном (небо). С Лосем тесно связана Луна. Сам Лось на небе (созвездие Большой медведицы) отвечает за смену времен года, дня и ночи, олицетворяет мощь и силу [35. С. 238–239]. Подобные метаморфозы – обычное явление в синполитийных сообществах в процессе распада родовой организации, когда шли борьба старых и новых путей существования, смена форм собственности, становление потестарных организаций, расширение внутренних миграций диалектных групп и появившихся семей (фамилий), первых военных и мирных контактов с русской цивилизацией, поиски адаптивных путей в составе иноэтничного государства.

И здесь снова уместно вернуться к селькупскому военно-политическому объединению, имевшему собственное имя Пегая Орда, что в переводе с селькупского – «Большого Лося богатыри» [6. С. 93]. Название соответствовало времени, вошедшему и традиции родовых предков с воплощённым в них единением, и веру в собственную силу. Почти через 100 лет в ясачных книгах фиксируется новое звено в развитии родового эпического образа лося в подписях-тамгах деловых бумаг в русскую администрацию селькупских

волостных князцов. Например, князцы Кусконча, Канна, Пизинча (Третья, Первая Парабельские и Верхняя Подгородная волости) ставили тамгу «Лось» [36. С. 134–145]. Селькупские знамена-лоси значились в большей степени в левобережье Нарымского Приобья, частично в нижнекетских волостях и в Сургутском уезде по р. Агану. В целом сравнение с тамгами кетских и тазовских селькупов не выявило образа лоса, в основном это были изображения лука и стрел, человека, нарт и змей.

Апеллятивами для определенной группы антропонимов служили отличительные или же нетипичные физические качества ребенка, а также особенности его психического склада. Отдельные имена отражают специфику социальной организации селькупского общества, его социальную психологию, что, по мнению многих исследователей, при этимологическом анализе делает их очень важным историческим источником.

Одним из древних и очень распространенных мотивов наречения имен во многих языках мира является вера в магическую силу числа. Этот способ наименования является общим для индоевропейских, семитских, тюркских, финно-угорских и других народов [37. С. 196]. Устанавливается он, по нашим материалам, и у селькупов, в антропонимике которых выявляются имена, образованные от чисел, характеризующих последовательность рождения детей. От Клавдии Ермолаевны Гоголевой из пос. Тюхтерево Парабельского района получена любопытная информация о древней системе определения возраста у селькупов: младше моего отца, но старше меня – со мной одного возраста.

Наконец, заметный слой в любом именнике составляют этно- и топоантропонимы. Употребление этнонимов в качестве личных имен можно объяснить двояко.

На ранних этапах развития родового общества этническое и личное имена, видимо, не различались. В связи с этим любопытны наблюдения Г. Моргана, который пишет, что у североамериканских индейцев-ирокезов каждый род имел личные имена, которые являлись его исключительной собственностью. Эти имена могли прямо по своему назначению указывать на род, к которому индейцы принадлежали, либо были в качестве таковых общеизвестны [38. С. 47]. В «Росписной книге Нарымского уезда» в Верхней Подгородней Волости среди плательщиков ясака значится по имени Арток [7. Кн. 144 (2)]. С XVII в. известно название правого притока р. Шудельки в ее низовьях – «Артоков исток», данное по родовому имени. В конце XVII – начале XVIII в., когда появляются фамилии в Третьей Парабельской волости, в юртах Инкиных фамилия Артоковых была одной из первых [9. Д. 166, 180; 10. Д. 232]. Примерно таким же путём появились другие ранние фамилии: Кажугины, Малгетовы, Коченгины, Нендыгины и др. В период христианизации у селькупов появились вторые имена, которые стали фигурировать в официальных документах, а традиционные отошли на бытовую уровень.

Таким образом, по данным антропонимики, археологии, этнографии и ряду письменных источников, у селькупов XVI–XVII вв. прослеживаются серьезные социально-экономические и мировоззренческие изменения. Проведённые исследования дали новые материалы о родовом делении, исторических контактах, истории происхождения имен и фамилий селькупов и их значениях. Достигнутые результаты помогают возродить историческую память о предках, что, несомненно, важно на современном этапе развития селькупской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер Э.Г. Селькупы // Системы личных имен у народов мира. М., 1986. С. 270–272.
2. Малиновская С.М. Антропонимика в этнокультурном воспитании (на материалах антропонимов Нарымских селькупов). Томск : ТГПУ, 2007. 146 с.
3. Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 86–138.
4. Семёнова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск : Наука, 2005. 223 с.
5. Пархимович С.Г. Комментарии // Буцинский П.Н. К истории Сибири. Мангазья; Сургут, Нарым и Кетск (до 1645 г.) : соч. в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 313–316.
6. Чиндина Л.А. Пегаея орда – Большого Лося сильный народ // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 91–96.
7. Ясачные книги по Нарымскому и Кетскому уездам за разные годы XVII в. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. «Сибирский приказ». Оп. 1. Кн. 19, 22, 32, 54, 144, 271, 716.
8. Челобитные ясачных людей, переписка воевод, следственные дела // РГАДА. Ф. 630. Оп. 1. Кн. 11, 30.
9. Метрические книги с. Инкино Троицкой церкви за 1843–1845, 1847, 1848 гг. // Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 170. Оп. 9. Д. 166, 180, 213, 328, 370.
10. Клировые ведомости Нарымского Благодичиния за 1860–1868 гг. // ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 232, 409, 433, 526, 673, 1347, 1615.
11. Клировая ведомость Нарымского Благодичиния за 1877 г. // ГАТО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 77.
12. Чиндина Л.А. Отчеты о полевых исследованиях Томского университета за 1989–1991 гг. // Архив Института археологии РАН.
13. Чиндина Л.А. Очерки культурогенеза и этногенеза в Среднем Приобье (середина I тыс. до н.э. XVIII в. н.э.) // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 3–11.
14. Чиндина Л.А. Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. С. 284–290.
15. Скорик П.Я. Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика. М., 1970. С. 39–52.
16. Никонов В.А. Задачи и методы антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 33–56.
17. Долгих Б.О. Старинные обычаи энецов, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1954. Вып. 20. С. 35–43.
18. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л. : Наука, 1961. Т. XX. С. 54–74.
19. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.

20. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.
21. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
22. Грачёва Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л. : Наука, 1983. 173 с.
23. Зув В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 94 с.
24. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л. : Наука, ЛО, 1976. 189 с.
25. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л., 1952. С. 88–107 (Труды Института этнографии. Т. 18).
26. Словарные материалы В.Н. Татищева // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 30719.
27. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 177 с.
28. Климова Л.Б. Существительные кум и по: в селькупском языке и их соответствия в немецком // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 82–83.
29. Василевич Г.М. Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири (опыт картографирования) // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 296–302.
30. Соколова З.П. Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории // Этническая ономастика. М., 1984. С. 78–81.
31. Шатинова Н.И. Алтайцы // Система личных имен у народов мира. М., 1986. С. 23–26.
32. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1950. № 18, Ч. 1–2.
33. Студзицкая С.В. Соотношение производственных и культурных функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 74–89.
34. Студзицкая С.В. Изображение лося в древней пластике Прибайкалья и «ангарский стиль» // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск, 2007. С. 286–300.
35. Мифология селькупов. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. 380 с.
36. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII в. М. : Наука, 1965. 228 с.
37. Жанузаков Т. Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 194–200.
38. Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1934. 350 с.

Chindina Lyudmila A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chindina37@mail.ru; Malinovskaya Svetlana M. The Institute for the Development of Education of the Russian Academy of Education affiliated, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malina-1949@mail.ru

THE REFLECTION OF ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE 17TH CENTURY SELKUPS' ANTHROPNOMY OF THE NARYM TERRITORY OF THE RIVER OB AREA (INTERDISCIPLINARY RESEARCH EXPERIENCE).

Keywords: Narym Selkups; anthroponymy; archeology; ethnic culture.

The article considers the 17th century Selkups' anthroponymy of the Narym territory of the River Ob area and the way a number of ethnical, socio-economical and worldview aspects of ethnocultural history were reflected in the anthroponymy. The research is based on interdisciplinary approach as the most prospective and efficient one for ethnocultural processes study. The work presents the first case when the research of this type resort to such extensive and verified use of archeological sources besides the wide range of materials on etymology and ethnonyms. The data gained from excavation of settlements and barrows in the region determined chronology and dynamics of the anthroponymy and important lines of its development, enhanced and made considerable corrections of historical and cultural reconstruction and significantly extended the Selkups history's cultural range which had been unknown before. Etymological analysis of the motivated names of the 17th century evinced their connection with the main elements of Selkups' culture and ecosystem: nature (flora and fauna), life supporting system, spiritual world, social environment, and the human's psychophysical activities. On the basis of the criterion of the root-etymon's thematical attribution the 11 groups of names were distinguished: the names of fish, birds, animals, insects, plants kingdom, artifacts, the human's properties (from natural to social ones), sacral symbols and phenomena. The analysis of Narym Selkups' proper names elicited their gender and age specificity. Male names form the main group. A significant part of them belong to the group of ecosystem. These names and names-aversers are the most archaic ones. The rest of the names distributed among other groups. Children's names were changed thrice in the period from birth up to the coming-of-age, it was a part of the passage (initiation) rite. According to the materials on archeology and ethnography Selkups treated the child as the society's highest value – its continuation and future. To save a child from evil and death his or her names were changed, the child was supplied with avers, symbols of the good (rattles to frighten away evil spirits, an image of an arrow and knife at the bottom of the cradle, etc.). Even a dead child was buried with numerous decorations on his or her headwear and clothes, amulets supposed to save the child's soul which was meant to reincarnate. Selkup women of the 17th century as well other and Samoyed and Ugric women were not supposed to wear proper names. The woman was regarded as someone's daughter or wife. She was the mother and the mistress. The gender difference is emphasized by the burial rite of the 17th century barrows: women didn't have any weapons, axes, the horse's harness. They were the privilege of men as the heads of families and breadwinners. Among Selkups proper names were tabooed as they were considered sacred. Most probably it can be explained by that the names belonged to ancestors. The name was inherited within the family, patronymy and kin. Complex study of anthroponymy in volosts and archeological sources relying on written and ethnographical data made it possible to trace the important social and worldview processes: coexistence and struggle of the old kin and new territorial trends, adaptation and integration into the civilized state as its part. The nonrepeatability of the names from dialect groups, signing documents by chiefs (knyazetses) with kin seal (tamga) (elk, spider, etc.) evidence the existence of kin identity. We can suppose that in process of organizing the tribute volosts at the beginning of the 17th century Russian administration had made the ground for the real territories' borders those of the kin ones, which were quite clear and strictly guarded at that time.

REFERENCES

1. Bekker, E.G. (1986) Sel'kupy [Selkups]. In: Dzharlygasinova, R.Sh., Kryukov, M.V., Nikonov, V.A. & Reshetov, A.M. (eds) *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names among the peoples of the world]. Moscow: Nauka. pp. 270-272.
2. Malinovskaya, S.M. (2007) *Antroponimika v etnokul'turnom vospitanii (na materialakh antroponimov Narymskikh sel'kupov)* [Anthroponimics in ethno-cultural upbringing (a case study of Narym Selkup anthroponyms)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University
3. Gemuev, I.N. (1980) K istorii sem'i i semeynoy obryadnosti sel'kupov [On the history of Selkups family and family rituals]. In: Pelikh, G.I. & Toshchakova, E.M. (eds) *Etnoografiya Severnoy Azii* [Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 86-138.
4. Semenova, V.I. (2005) *Poselenie i mogil'nik Chastukhinskiy Uriy* [The settlement and cemetery of Chastuhinsky Uri]. Novosibirsk: Nauka.

5. Parkhimovich, S.G. (1999) Kommentarii [Commentary]. In: Butskinskiy, P.N. *K istorii Sibiri. Mangazeya; Surgut, Narym i Ketsk (do 1645 g.)*: soch. v 2 t. [The history of Siberia. Mangazeya; Surgut and Narym Ket (up to 1645). In 2 vols.]. Vol. 2. Tyumen'. pp. 313-316.
6. Chindina, L.A. (2013) Pegaya orda is strong people of the Big/Great Elk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 91-96. (In Russian).
7. The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA). *Yasachnye knigi po Narymskomu i Ketskomu uezdnam za raznye gody XVII v.* [Tributaries books of Narym and Ket counties for 17th century]. Fund 214. List 1. Books 19, 22, 32, 54, 144, 271, 716.
8. The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA). *Chelobitnye yasachnykh lyudey, perepiska voevod, sledstvennye dela* [Petitions of tributary peoples, correspondence among governors, investigating cases]. Fund 630. List 1. Book 11, 30.
9. The State Archives of Tomsk Region (GATO). *Metricheskie knigi s. Inkino Troitskoy tserkvi za 1843–1845, 1847, 1848 gg.* [Metric books of the Trinity Church in Inkino Village for the 1843–1845, 1847, 1848]. Fund 170. List 9. Files 166, 180, 213, 328, 370.
10. The State Archives of Tomsk Region (GATO). *Klirovye vedomosti Narymskogo Blagochiniya za 1860–1868 gg.* [Documents about the clergy service in Narym Deanery for 1860–1868]. Fund 170. List 1. Files 232, 409, 433, 526, 673, 1347, 1615.
11. The State Archives of Tomsk Region (GATO). *Klirovaya vedomost' Narymskogo Blagochiniya za 1877 g.* [Documents about the clergy service in Narym Deanery for 1877]. Fund 267. List 1. File 77.
12. Chindina, L.A. (n.d.) *Otchety o polevykh issledovaniya Tomskogo universiteta za 1989–1991 gg.* [Reports on field studies of Tomsk University in 1989–1991]. The Archives of the Institute of Archeology, RAS.
13. Chindina, L.A. (1999) Ocherki kul'turogeneza i etnogeneza v Srednem Priob'e (seredina I tys. do n.e. XVIII v. n.e.) [Essays on the cultural and ethnic genesis in the Middle Ob (the mid of I millennium BC to the 18th century BC)]. In: Malinovskaya, S.M. (ed.) *Traditsionnoe i sovremennoe v kul'turakh Tomskogo Severa* [The traditional and contemporary cultures in the North of Tomsk]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 3-11.
14. Chindina, L.A. (2004) Pozdnesrednevekovye mogil'niki Srednego Priob'ya v XVII v. Khronologicheskii diskurs [Late medieval cemeteries in the Middle Ob in the 17th century. The chronological discourse]. In: *Sheshtye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [The 6th historical memory readings named after Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 284-290.
15. Skorik, P.Ya. (1970) Antroponimicheskie protsessy u malyykh narodnostey Severa [Anthroponimic processes in small peoples of the North]. In: Nikonov, V.A. & Superanskaya, A.V. (eds) *Antroponimika* [Anthroponyms]. Moscow: Nauka. pp. 39-52.
16. Nikonov, V.A. (1970) Zadachi i metody antroponimii [Objectives and methods of anthroponimy]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Personal names in the past, present, future]. Moscow: Nauka. pp. 33-56.
17. Dolgikh, B.O. (1954) Starinnye obychai entshev, svyazannyye s rozhdeniem rebenka i vyborom emu imeni [Ancient Ents customs associated with childbirth and the choice of their name]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography]. Issue 20. Moscow: USSR Academy of Sciences. pp. 35-43.
18. Prokof'eva, E.D. (1961) Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov) [Ideas of Selkup shamans of the world (based on drawings and watercolors of Selkups)]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 20. Leningrad: Nauka. pp. 54-74.
19. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [The origin of Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [The Rëlka Burial on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [The history of the Middle Ob region in the early Middle Ages (The Rëlka culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Gracheva, G.N. (1983) *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taymyra (materialakh nganasan XIX – nachala XX v.)* [The hunters' traditional outlook in Taimyr (a case study of Nganasans in the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
23. Zuev, V.F. (1947) *Materialy po etnografii Sibiri XVIII veka (1771–1772)* [Materials on the ethnography of Siberia of the 18th century (1771–1772)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Khomich, L.V. (1976) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii nentsev* [Problems of the Nenets ethnogenesis and ethnic history]. Leningrad: Nauka.
25. Prokof'eva, E.D. (1952) K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [On the question of social organization of Selkups (type and phratry)]. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Vol. 18. Moscow, Leningrad: Nauka. pp. 88-107.
26. Tatishchev, V.N. (n.d.) *Slovarnye materialy V.N. Tatishcheva* [Dictionary materials by V.N. Tatishchev]. The Archives of St. Petersburg Institute of History, RAS. Fund 226. List 1. File 30719.
27. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII veka (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [Selkups of the 17th century (descriptions of social and economic history)]. Novosibirsk: Nauka.
28. Klimova, L.B. (1969) Sushchestvitel'nye kum i po: v sel'kupskom yazyke i ikh sootvetstviya v nemetskom [The nouns “kum” and “po” in the Selkup language and their equivalents in German]. In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [The origin of Siberia natives and their languages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 82-83.
29. Vasilevich, G.M. (1974) Antroponimy i etnonimy u narodov ural'skoy i altayskoy semey, rasselennykh v Sibiri (opyt kartografirovaniya) [Anthroponyms and ethnonyms and the peoples of the Ural and Altai families resettled in Siberia (the experience of mapping)]. In: Bruck, S. (ed.) *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii* [Problems of mapping in linguistics and ethnography]. Leningrad: Nauka. pp. 296-302.
30. Sokolova, Z.P. (1984) Antroponimiya obskikh ugrov kak istochnik dlya izucheniya etnicheskoy istorii [Anthroponyms of Ob-Ugric peoples as a source for the study of ethnic history]. In: Dzharylgasinova, R.Sh. & Nikonov, V.A. (eds) *Etnicheskaya onomastika* [The ethnic onomastics]. Moscow: Nauka. pp. 78-81.
31. Shatinova, N.I. (1986) Altaytsy [The Altai]. In: Dzharylgasinova, R.Sh., Kryukov, M.V., Nikonov, V.A. & Reshetov, A.M. (eds) *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names among the peoples of the world]. Moscow: Nauka. pp. 23-26.
32. Okladnikov, A.P. (1950) Neolit i bronzovyy vek Priбайkal'ya [Neolithic and Bronze Age in Baikal area]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*. 18(1–2).
33. Studzitskaya, S.V. (1976) Sootnoshenie proizvodstvennykh i kul'turnykh funktsiy sibirskikh neoliticheskikh izobrazheniy ryb [The ratio of industrial and cultural functions of the Siberian Neolithic images of fish]. In: *Iz istorii Sibiri* [From Siberian history]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 74-89.
34. Studzitskaya, S.V. (2007) Izobrazhenie losya v drevney plastike Priбайkal'ya i “angarskiy stil” [The image of an elk in ancient ceramics of Baikal and the “Angara style”]. In: Chindina, L.A. et al. (etc) *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoy Azii drevnosti i srednevekov'ya* [Archaeological materials and research in Northern Asia, Ancient and Medieval times]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 286-300.
35. Kuznetsova, A.I. et al. (2004) *Mifologiya sel'kupov* [Mythology of Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Simchenko, Yu.B. (1965) *Tamgi narodov Sibiri XVII v.* [Tamgans of the Siberian peoples in the 17th century]. Moscow: Nauka.
37. Zhanuzakov, T. (1970) Sotsial'no-bytovye motivy v kazakhskoy antroponimii [Social and everyday motifs in Kazakh anthroponimy]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Personal names in the past, present, future]. Moscow: Nauka. pp. 194-200.
38. Morgan, L.G. (1934) *Drevnee obshchestvo* [The Ancient Society]. Translated from English. Leningrad: Izdatel'stvo narodov severa.